

УДК 303.1
УДК 316.74:001

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕНКО,
кандидат социологических наук, временно
не работает

ЛЕОНИД НИКОЛАЕНКО,
кандидат философских наук, доцент кафедр
отраслевой социологии Киевского националь-
ного университета имени Тараса Шев-
ченко

Метод и методейя: путь к свободе или логическое принуждение

Аннотация

В статье рассмотрены вопросы, связанные с трансформацией науки, обуславливающей конституирование в обществе социальной структуры знания, при помощи которой воспроизводятся социальные неравенства и связанные с ними отношения господства и подчинения.

Очевидно, что процесс познания социально детерминирован и в нем противостоят две тенденции: 1) получение знаний как средства расширения поля свободы и 2) ограничение доступа к знаниям различным категориям людей как средство воспроизводства отношений зависимости. Следовательно, дилемма знания — незнания имеет не только гносеологическое, но и социологическое измерение, ведь наряду с производством знания существует и его антипод — производство незнания (неведения) — методейя.

Ключевые слова: *конструирование реальности, логическое принуждение, методейя, обращение общественного сознания в массовое, религиозный реванш, релевантность, социальная зависимость, успех, функциональные (практические) знания, незнание (неведение)*

Постановка проблемы

В предыдущей нашей статье “Метод и методейя: методологические иллюзии в современной социологии” [Николаенко, 2015], написанной в рам-

ках нашей работы в научно-исследовательском комитете САУ по вопросам логики и методологии социологического исследования, утверждалось, что в науке наряду с научным методом существует и его обращенная форма — методейя или система способов производства иллюзий, которую в пределах устоявшейся логико-гносеологической традиции трудно отличить от собственно метода, но можно распознать с помощью социологии. Мы подвели читателя к мысли о том, что методейя есть конструирование невежества и, заодно, технология социальной дифференциации. Теперь рассмотрим, если так можно сказать, методейно ориентированные практики в науке и их социальные эффекты.

Если метод — путь к знаниям, то есть к достоверным сведениям о мире, то методейя — его обращенная форма, способ производства незнания. Незнание, в таком случае, оказывается не просто банальным отсутствием знаний, а такой формой отношения людей к миру, которая интерпретируется ими либо как особое знание, в котором подвергается сомнению полнота и достоверность научных знаний, либо как знание, в принципе недоступное науке, либо как еще нечто. Такое незнание в последнее время получило название неведения. Недостоверные образы реальности, как оказывается, не исчерпываются заблуждениями и иллюзиями [Гросс, 2008]. Пока не будем разбираться в формах незнания, разделяющих людей на категории, например, на элиту и массу с присущим им поведением. Мы поговорим о действиях ученых, продуцирующих такие образы.

Итак, раскол общества на группы — латентная производная их участия в борьбе за социальное доминирование средствами науки, где методейя — поиск способов обоснования частного интереса средствами науки. Даже математическое действие, — к разочарованию математиков, — здесь ничем не отличается от любого другого социального действия. Оно тоже подвержено влиянию методейных тенденций, что делает социологию математики возможной, о чем в свое время поговорим особо.

Еще Сократ понимал знание как источник людских добродетелей и способность понимать собственное невежество, а невежество, наоборот, — источник аморальности, преодолеваемой обучением. Т.В.Филлиповская в статье “Дихотомия “знание-незнание”: поиск сущностной новизны”, напоминая об этом, констатирует, что “одним из системных противоречий, имеющих фундаментальный характер”, есть “обострение в практиках повседневности антагонизма знания и незнания, невежества”, свойственное сегодня всему глобальному обществу [Филлиповская, 2011].

Однако социологу констатации мало, ему необходимо выявление социальных причин данного антагонизма и роль работников науки в его производстве: в производстве неведения. Мы различаем незнание как отсутствие знаний в обществе по тем или иным интересующим его вопросам и неведение как результат регулируемого институциональными средствами доступа к имеющимся в обществе знаниям, разбивающее общество на группы.

Еще И.Кант писал: “...истина не есть владение, право на которое предоставляется одному и отнимается у другого” [Кант, 1980]. Ограничение доступа к знаниям обращает объединяющую людей истину в форму частной собственности, что противоречит ее общественной сути: одним дает право обладать истиной, а другим не дает, обращая их в невежд. И наоборот, огра-

ничество доступа к заблуждениям не обращает их в собственность, но дает право знать истину.

Вот пример. Культуролог Михаил Маяцкий в статье “Производство сомнения” показал, как в середине XX века наука стала врагом табачной индустрии. Что сделали табачные компании? Наняли пиар-агентства, а те посоветовали “полюбить” *враждебных* ученых и “задушить” их в “любовных объятьях”. Так и сделали: создали социальные институты и столкнули одних ученых с другими. Сомнения насчет вреда курения в массах курящих были посеяны: оно даже стало “частью работы и досуга” [Маяцкий, s.a.].

Проследим за изменением социального смысла курения как явления. Сначала, не задумываясь (незнание) о последствиях, курят по привычке. Потом наука, опираясь на достоверные данные (знание), включается в объяснение вреда курения не только для здоровья. Далее научное сообщество, включенное в изучение социальных последствий курения, через внешнее воздействие раскалывается на тех, кто за, и тех, кто против курения (дискурс курения).

Результат дискурса — сомнение в достоверности знаний (неведение) о вреде курения и беспрепятственное его распространение в еще больших масштабах, усиленное эффектом удовольствия от *сознания* (!?) отсутствия вреда. Вред курения — залог роста прибыли частных компаний, обеспеченного столкновением науки с постнаукой: наукой, обращенной против науки и социума.

Цель статьи — показать, как методейя (действия ученых, называемые познавательными) производит наукообразные результаты с социальными последствиями тактического и стратегического характера.

Незаинтересованный наблюдатель как агент конструирования недостоверных образов реальности: социальные функции незаинтересованного наблюдателя

Позитивистская установка на незаинтересованное наблюдение, столь популярная, сколь и сомнительная, — ярчайший пример работы методейи в социальном познании. В статье “Проблематика понимания смысла в социальных науках” Хабермас, споря с Гарфинкелем и говоря об этой установке, слово “*незаинтересованная*” берет в кавычки и подводит читателя к выводам о наличии как минимум трех возможных причин негативного отношения к ней, которые мы изложим своими словами.

Незаинтересованное наблюдение как методологическая установка:

- *сеет иллюзию* презумпции принципа объективности, как бы устанавливая “дистанцию по отношению к повседневным, биографически укорененным интересам” (например, откуда берется интерес к подобному исследованию? Не от *заинтересованного* ли заказчика, остающегося в тени?);
- *убеждает* ученого в том, что у него есть “некая привилегированная позиция” по отношению к участникам наблюдаемой коммуникации, хотя вся его привилегия состоит лишь в том, что он за свою работу получает деньги;
- отсюда мы, ученые, как “коммуникативно действующие субъекты”, способные “к взаимной критике... утрачиваем как наблюдатели нашу при-

вилегированную позицию в отношении своей предметной области”, ведь другие могут реинтерпретировать сделанное нами.

Окончательный вывод делает сам Хабермас: “...социальный ученый не может гарантировать объективность своего познания тем, что “наденет” на себя фиктивную роль “незаинтересованного наблюдателя” и таким образом ускользнет в некое утопическое место за пределами коммуникативно доступного жизненного контекста” [Хабермас, s.a.].

Однако выход, предлагаемый Хабермасом, тоже из области фантазии. Он антиисторичен. *Понимание смысла* не есть “привилегированный модус опыта членов жизненного мира” [Хабермас, s.a.], потому что он (опыт) возникает в одной коммуникативной ситуации, а *члены жизненного мира*, к сожалению, например, смертны или, меняя одну коммуникативную ситуацию на другую, утрачивают *привилегию понимания* и тем самым принуждены заново осваивать неизвестные им смыслы. Но привилегия полного понимания есть — у тех, в чьих интересах оно конструируется. Короче, точная критика установки на незаинтересованное наблюдение для Хабермаса — способ *собственного субъективистского конструирования* понимания реальности, к которому принцип достоверности также неприменим.

То же находим и у А.Шюца. Он пишет, что наблюдаемая ситуация — “не театр... действий” для наблюдателя, “а всего лишь объект размышлений”. Он “взирает на нее с отстраненным хладнокровием, подобно тому как представитель естественных наук наблюдает за происходящим в его лаборатории” [Шюц, s.a.]. А как быть с принципом *не навреди*? Он вытесняется установкой на *хладнокровность*: свободой от моральных терзаний от содеянного. Шюц как феноменолог должен был бы понимать, что химическая реакция, наблюдаемая экспериментатором, не аналог социальной коммуникации. У вещества нет воли. Но даже химическая реакция вызывает у исследователя либо досаду, либо радость, потому что она происходит по его воле, хотя не всегда успешно.

А куда мы денем включенное наблюдение, когда, участвуя и переживая происходящее, наблюдаем? Куда денем ученых, заражающих себя, чтобы лечить других?

Не переживающий ученый — прибор, функция, исполняющая чужую волю. Его описания — показания прибора, который фиксирует процесс, но не читает показатели — социальные смыслы, включающие людей в различные взаимодействия. Фиксировать показания прибора и интерпретировать (высчитывать) изменения в их параметрах может компьютер, а понимать происходящее без переживающего проникновения в смыслы невозможно.

Говорим о переживании как моменте понимания, отвергая: 1) дильтеевское противопоставление понимания и объяснения, хотя именно он зафиксировал тот факт, что понимание без переживания не существует; 2) веберовское их понимание, разбивающее людей на группы. Мы говорим о них как структурных моментах логического объяснения, не исключающего интерпретацию, но только как метод перевода с языка на язык (включая языки разных наук) путем поиска смысловых соответствий, заложенных в них.

Без противопоставления объяснения и понимания современные технологии интерпретации, приспособляющие науку к частным интересам, были бы невозможны. Невозможен был бы *незаинтересованный* наблюдатель. Он не искал бы способы включения данных наблюдения в систему ре-

levantных смыслов. И принцип релевантности отпал бы за ненадобностью! Он не подменял бы критерии научности критерием успеха.

К тому же психологию мышления (научного поиска) никто не отменял, а ей известно, что смысл есть не только мысль, объективированная в действии или некоторой вещи, но и состояние психики, подвигающей к мысли. Незаинтересованный наблюдатель — человек с трансформированной психикой. Свойственный ему этос научного поиска модернизирован так, что изначально-гуманитарная составляющая достоверных знаний для него помеха.

Мир светится смыслами, но не теми, о которых говорит Шюц. Он ищет смыслы, сепарирующие реальные смыслы на релевантные и не очень; на презентующие нечто (можно сказать, действительные) и аппрезентирующие (можно сказать, мнимые, которые могут возникать как в силу ошибок, так и в силу действий других, конструирующих их). И тогда, придавая значения одним смыслам и лишая значения другие, можно изменять поведение людей в заданных параметрах. Это тоже наука, но не гуманная, не берущая во внимание факт воли, присущей каждому из людей. Можно играть на настроениях людей подобно тому, как это делают музыканты, насчет которых только кажется, что они играют на инструментах, тогда как они играют на чувствах людей, получающих от этого удовольствие. Инструмент только для того и нужен.

Эффект массовости, между прочим, — тоже инструмент, обращающий народ в объект воздействия для так называемой элиты. Например, актуализация непонятого без объяснения его сути обращает общественное сознание в массовое и иррефлективное, подобное религиозному. Да и система образования больше не дает классических знаний, а только функциональные. Этика успеха классических знаний не требует. Их и не дают!

И последнее. Сознание и мысль незаинтересованного наблюдателя дуалистичны. Искренняя ориентация на объективность играет с ним злую шутку: она противоречит реальным социальным функциям, которые он выполняет.

Основной такой функцией, которая воплощается во множестве неотрелфлексированных действий, можно назвать функцию обращения: классики — сначала в неклассику, а потом и в постнеклассику (постнауку); науки и достоверных знаний как явлений социокультурного порядка — в явления функционального порядка, то есть явления с редуцированной мировоззренческой и, в целом, гуманитарной составляющей; истинного, объективного и существенного — в значимое и что то же самое, релевантное; логики объяснения реальности — в логики ее интерпретаций, ориентированных на приписывание значений; развития духовного производства — в конструирование субъективных образов реальности, не претендующих на достоверность, но способных менять поведение людей в заданных параметрах; расширение поля свободы для всех членов общества в отношении к естественной необходимости — в продуцирование и воспроизводство социальных неравенств, в отношении господства и подчинения и т.д.

Методейя, как и метод, тоже выполняет немало функций, а главной из них есть функция принуждения.

Научная мысль не развивается в социальном вакууме, и социальный ученый — не посторонний наблюдатель, а служащий: наемное лицо, прошедшее через испытания рынка труда. Рыночная этика успеха, на которую, он ориентирован, вынуждает его убеждать себя в том, что он, лицо, заинтере-

ресованное в успехе, может быть незаинтересованным наблюдателем. Игра? Да! А как быть иначе?

Наука как игра — особая тема для обсуждения. Ее и обсудим. Чуть позже.

Социологическое исполнение анархистской теории познания как теории логического принуждения

Незаинтересованный наблюдатель и теоретическая анархия — родственные явления, хотя в современной социологии он — идеал ученого. Методейя, облачившись в мантию незаинтересованного наблюдателя, трансформировала научную мысль в анархическую. Поэтому социологи, особенно те, кто занимается методологией социального познания, часто обращаются к работе Пола Фейерабенда “Против метода. Очерк анархистской теории познания” с подзаголовком “Против методологического принуждения”.

Благородный порыв не так уж редко обращается в неблагоприятное дело. Нечто подобное произошло и с Фейерабэндом.

Соглашаясь с Фейерабэндом в его идее возможности методологического (лучше говорить логического) принуждения к особому рода мыслям и суждениям средствами науки, мы в принципе не согласны с ним в том, что такое имеет место всегда и во всех случаях.

Скажем, объясняя, ученый не принуждает следовать его воле (пониманию реальности, связанному с его биографией). Основания его суждений покоятся не в нем, а в объясняемом предмете, ему безразличном. Он только говорит, что мыслить по-иному — не знать сути происходящего. Он делает достижения науки **общим** достоянием, вписывая знания в общекультурный контекст, включая мировоззренческий, — в научную картину мира как способ окончательной их проверки на достоверность. Ему не свойственна “внемирная позиция” (Хабермас). Он наблюдатель, **заинтересованный** в истине. Он не парит над миром, а переживает происходящее в нем. Знание, при таком подходе, функциональным быть не может, а только возвышающим, делающим жизнь каждого — осознанной, сознание индивидов — рефлексивным.

Функциональные знания такого не требуют. Проверка степени их *достоверности* происходит на другом уровне — на уровне достигнутого успеха, не требующего мировоззренческой рефлексии.

Успех как принцип распадается на множество стремлений, требующих удовлетворения. В конкурентных условиях большой успех без науки невозможен. Отсюда и функциональность, и структурность, и прагматизм, и плюрализм, и, между прочим, интерпретация. Полный методологический букет, произрастающий на распаде реальности на составляющие, конструируемые исследователем. Отсюда и вывод Фейерабенда: “Наука... по сути, анархическое предприятие: теоретический анархизм более гуманный и прогрессивный, чем его альтернативы, опирающиеся на закон и порядок” [Фейерабэнд, s.a.].

Однако возразим ему в том, что любая действительно научная методология есть системой логических практик, ориентированных на правила, как принято в логике говорить, *правильного* мышления, исключаящие анархию в мыслях.

Читая внимательно цитируемую работу, хочется думать, что ее автор восстает не против порядка в мыслях, а против социального порядка, при-

нуждающего к неупорядоченному мышлению. Зачем насиловать себя мыслить правильно (читай, логически)?

Только Фейерабенд не восстает. Анархия в мыслях для него гуманистична — не принуждает мыслить *правильно*. Теперь ученый обретает право редактировать собственные мысли, ориентируясь на обстоятельства, обращающая научную классику в одну из многих *точек зрения*, имеющих право быть. Истина тоталитарна!

Все ставится с ног на голову: истина принуждает, она обращается в догму, подобную религиозной; методологический произвол — раскрепощает. Хотя, назвав истину тоталитарной, принуждает от нее отказаться.

Расцвет означенного распада (оксюморон!) был обусловлен этикой и практиками успеха, возникшего в результате победного шествия капитализма XIX века, который уже к середине XX века начал показывать свою полную культурную ущербность.

Успех одних оказался сопряженным с поражением других, что не могло не породить анархии в мыслях, которую и зафиксировал Фейерабенд.

Методологическая анархия — восстание против правил, делающих возможной упорядоченную мысль: логику, без которой действительная наука невозможна. Логика такого восстания проста: если правила нарушаются, значит, они не работают и “все дозволено”, утверждает Фейерабенд. И тогда “наука, лишенная своих тоталитарных претензий, уже не будет независимой и самодостаточной; ее можно изучать в многочисленных и разнообразных комбинациях (одной из таких комбинаций может быть миф и современная космология)” [Фейерабенд, s.a.].

Вот так, истина тоталитарна, и соединение идеи и действия посредством истины — не единственный способ их связи. Они могут быть связаны и при помощи банального “эмпирического успеха”.

Здесь мы встречаемся с тем, что можно было бы назвать эффектом Фейерабенда, — отрицанием того, чем сам он занимается, культивируя систему правил нарушения признанных правил: инновация.

Для него отрицание установленных историей науки правил (мышления) — путь к свободе научной мысли служить частному успеху по совести, а не по принуждению, применяя, например, “магические фразы, называемые “протоколами наблюдения”” [Фейерабенд, s.a.].

Фейерабенд не замечает, что, отвергая социально-культурные функции правил логического мышления, прибегает к поиску способов логического принуждения к вере... Нет, не в истину, обоснованную наукой, а просто к вере во все, сказанное ученым, и не только им.

Напомним, Алвин Гоулднер пишет: “... значительная часть социологии — от элементарных учебников до произведений Толкотта Парсонса — заключается в конституировании социальных миров, а не просто в их исследовании”, как бы в поиске наилучшего “из возможных” [Гоулднер, 2003].

Звучит как приговор! Ищите и обрящете... иллюзорную бездну!

Капитализм сам по себе — анархическое предприятие, конструируемое по лекалам субъективистских представлений о модерном или постмодерном обществе. Метод интерпретации, применяемый для этого, раскалывает мир на действительный и мнимый, порождая “двухмерный универсум дискурса” [Маркузе, s.a.], который Маркузе по ошибке истолковал как воплощение диалектического мышления.

К слову, конституирование социальных миров для каждой достаточно большой группы людей — следствие предварительного конструирования и самих групп, и иллюзорных миров, в которые они погружены методом интерпретаций, работающих по методическим правилам: правилам логического принуждения.

Нас сейчас в большей степени интересует теория, а не способы принуждения: процесс обращения метода в методейю.

Сами социологи, к сожалению, далеко не всегда желают понимать, в какой из указанных парадигм они работают и какую из социально обусловленных задач в каждый данный момент решают. Подобное непонимание, между прочим, — средство обращения ученого в функцию, введенную в его сознание на институциональном уровне.

Говоря о социологе, подразумеваем ученого, независимо от области знаний, в которой он задействован и которую в обществе представляет.

Например, физик Ландау, нелицеприятно высказавшийся о гуманитарных науках, назвав их неестественными, или социолог-позитивист, отказавший общим понятиям (категориям) в праве на существование, или философ, признавший, что понятия — не более чем конвенции (результат договора между учеными), и так далее: все они изменяют направление научной мысли на 180°, — в противоположную от истины сторону.

Не трудно наблюдать силу влияния подобных утверждений, скажем, на студенческую аудиторию. Сила логики тает перед действительной силой авторитета, бессильного в вопросах диалектического мышления и мировоззрения в целом. Право на высказывание (плюрализм) поражает разум, принуждая его к вере, например, искусственно созданному харизматику.

Обращение истины в заблуждение, а метода — в методейю не проходит бесследно. Оно воздействует на общественное сознание, порождая в нем линии раскола людей на группы по интересам.

Господствующая анархия в мыслях (порядок — ?) ученых, таким образом, оказывается прямой калькой господствующего рыночно ориентированного социального порядка, а конкурирующие методологии, как бы выстроенные в анархическом порядке, — не более чем иллюзия множества возможных истин: альтернатив решения социальных проблем; мнимая реальность, не имеющая практической возможности обратиться в действительную.

Альтернатива (фр. *alternative*, от лат. *alternatus* — другой), кстати, всегда одна. Она предполагает выбор из двух противоположностей: истины и заблуждения. Когда же у ученого появляется выбор из множества методологий, а он верит в каждую как в истинную, то анархический (читай, плюралистический) порядок в его голове обеспечен. Методейя сработала — и весьма эффективно.

К слову: проблема принуждения, но не методологического, а логического, была поднята еще Г.Риккертом, а затем советским психологом, педагогом и философом М.Рубинштейном.

Согласно Риккерту, логические правила есть нормы, которых нужно придерживаться, а если так, то логика — это инструмент принуждения. Рубинштейн возражает и пишет: "...логическая норма ограничена условием: "если мы хотим истины, то мы должны подчиняться логическим нормам". Это "если" разрушает все. Нам представляется это возражение неосновательным, так как подобное условие одинаково применимо при соответствую-

ющем изменении и к категорическому императиву этики: если ты хочешь быть нравственным, то следуй таким-то и таким-то этическим нормам. Как там, так и тут это условие является в одинаковой степени неизбежным а priori, и, признавая одно, у нас нет никакого основания сомневаться в правоте другого” [Рубинштейн, 2003: с. 30].

А мы добавим. Если мы, придавая стройность своим мыслям, *должны* подчиняться логическим нормам, то мы имеем дело не только с логическим, но и с нравственным императивом, что для позитивиста — нож в сердце.

Не существует особых логических норм, которые одновременно не были бы и нравственными нормами, как и наоборот. Логические нормы — развернутые в понятиях норм морали, обеспечивают возможность общего для людей смысла их совместного бытия.

Отсюда следуют три замечания:

- *первое*: как логические, так и нравственные нормы даны нам не а priori¹; они — результат практической действительности норм, без чего невозможно и никакая культура мышления, и никакая культура вообще;
- *второе*: нормативная функция логических правил — не принуждение в смысле подавления воли с целью подчинения другим, а установление границ для произвола; это — формирование воли к знаниям, выражаемой в научном творчестве (субъективизм, например, присутствующий в конструировании реальности абсолютный произвол);
- *третье*: нормативная функция логических правил — показатель их родовой связи с моральными и эстетическими нормами: истина, добро и красота — три императива действительной культуры в человеческом поведении, объединенных в одном начале — софии (человеческом интеллекте).

Смысл — не только мысль, реализованная в действиях, но и то, *для чего* мы действуем, *как* мы действуем и как *другие оценивают* наши действия; соединенные вместе, они составляют эстетический идеал, выходящий далеко за пределы *данного случая*.

Неклассика и постнеклассика строятся на редукции оценок наших действий другими, что превращает науку в средство *для нас* и возводит между *нами* и *ими* (другими) непреодолимые социальные перегородки.

А там, где появляются перегородки, появляются и обращенные формы указанных императивов, и методы конструирования и культивирования последних.

Презумпция объективности *незаинтересованного* наблюдателя — еще один императив (моральный) — выбирать в объеме понятия *релевантные* смыслы, пригодные *для данного случая*, опуская все лишнее — нерелевантное.

Как бы логично, только полученное таким путем знание не впишется в научную картину социального мира, выстраиваемого по законам красоты и

---

¹ С понятием *a priori* наблюдается путаница в силу его двузначного смысла: первый — культурно-исторический, в котором никаких априорных знаний не существует, они добыты специально подготовленными людьми в ходе социально одобряемых действий (познавательных); второй — в отношении к отдельному индивиду и времени, в котором он живет. Индивид и его современники всегда пользуются уже существующими (добытыми *до них* и поэтому априорными *для них*) знаниями.

морали, но впишется в картину мира, выстраиваемую по законам холодной (безнравственной и потому безобразной) рациональности. Здесь изначальная логическая рациональность, столь детально описанная в немецкой классической философии, вступает в противоречие с самой собой, потому что расчет — в смысле *ratio* — как ее логическая основа остается, но больше не ориентирует на социально значимое знание, а только на знание, необходимое для *данного случая*, с социальными функциями, редуцированными к успеху. Такое знание больше не является формой социальной памяти и обращает социализацию (обобществление) индивидов в их дифференциацию на группы, *направляя* их действия в русло частных практик.

К обоснованию подобной трансформации рациональности, как ни покажется многим странным, приложили руку М.Вебер, философы-прагматики и социологи-позитивисты, отказавшие общим понятиям в праве на жизнь.

В результате даже из гуманитарных наук выдавливается принцип гуманитарности, истинное знание вытесняется позитивным, напрямую связанным с коммерческим успехом. До неузнаваемости меняется образ истины, веками питавший творческую мысль: сама тема истины становится неудобной для обсуждения. Теперь о ней в большей степени говорят только *ретрограды*, не понимающие сути гносеологических инноваций.

А начиналось все с принципа незаинтересованного наблюдения, сформулированного в Новое время с целью освобождения ученого из-под влияния церкви и получившего в XIX веке собственно позитивистское звучание и совершенно иные социальные функции. Теперь одной из главных его социальных функций есть расширенное воспроизводство социальных неравенств средствами науки под лозунгом стремления к объективности, но не полное знание о социальном, не исчерпывающееся наблюдением связей безотносительно к их оценкам. Искусственно суженное поле внимания *незаинтересованного* наблюдателя обращается только к тому, что верно, а не к тому, что истинно, не к комплексному описанию наблюдаемого как собственно социального, а к выявлению функциональных признаков и согласованию степени их проявления с частными интересами.

В связи со сказанным процитируем Рубинштейна еще раз: “... даже там, где человек фактически не желает истины, он стремится только к тому, чтобы другим она была неизвестна, но не ему самому. А главное: здесь идет речь только о научной истине; другой, строго говоря, и не существует, если мы разграничим определенно истину от того, что в практическом смысле называется “верно”” [Рубинштейн, 2003: с. 30].

Незаинтересованный наблюдатель, разумеется, не виноват в том, что добытые им знания не всегда доступны всем, иначе, например, не было бы патентного бюро. Он, будучи эмпирически и прагматически ориентированным, просто производит неполное знание, в котором общая картина социальной реальности искажена в функционально значимом *для данного случая* смысле, потому что не вписана в категориальный ряд научной мысли.

Дальше Рубинштейн пишет, что, по Рикерту, логическое принуждение к определенному рода мысли имеет свое, логическое основание, выражается в необходимости суждения и отличается от психологического и причинного принуждения. В нем долженствование представляет собой “не *естественно* необходимое, а *этически* необходимое, то есть императив”, хотя “мы пови-

нуемся этому повелению, только если мы стремимся к истине” [Рубинштейн, 2003: с. 29].

А дальше он пишет, что логические законы нам говорят, что “если когда ты хочешь истины, то ты должен руководствоваться вот такими-то и такими-то правилами, а будешь ты следовать им, это дело твоей логической совести. Если человек запасается своего рода логическим нахальством, то его никакими силами не принудите мыслить согласно логическим законам” [Рубинштейн, 2003: с. 31].

Рубинштейн правильно понимает, что Риккерт, действуя в рамках методейи, пытается разорвать логическое и этическое, а Рубинштейн, наоборот, хочет показать, что их связь неразрывна.

Что касается социологии, то решение проблемы связи морального и логического как бы расстраивается:

- в позитивистской (неклассической) ее ветви указанная связь недопустима, что разрешает любыми средствами воздействовать на сознание и поведение людей;
- в постнеклассической — это вообще не тема для обсуждения, ибо “все дозволено”;
- в классической (действительно материалистической) — она: 1) обусловлена исторически, имеет необходимый характер и обеспечивает расширение поля свободы; 2) легко разрывается, тем самым наука обращается в средство подавления воли и производство системы социальных зависимостей. Скажем, сторонний наблюдатель на институциональном уровне освобожден от мучений совести. Для него нравственность и научность никоим образом не связаны.

Постнаука как игра

Не последнюю роль в формировании установки на успех в научной среде сыграло включение ученых в своеобразную капиталистическую конкуренцию, подогреваемую, например, институтом грантов, индексом цитирования, рейтингом вузов, системой Scopus и т.д. — стимулами, каждый из которых выдвигает как бы собственные требования к ученым и научным учреждениям, хотя на самом деле все их требования представляют собой четко выстроенную систему, принуждающую ученых превращать науку в своеобразную игру в истину. Конкуренция предполагает, что кто-то должен про-играть.

Однако конкуренция противоречит сформированному веками корпоративному этосу науки. Они, при всех разногласиях между учеными, — вещи несовместимые. Конкуренция — не соревнование между, например, школами, а принуждение выкладываться по полной, порождающее ответную реакцию.

Вот ученые и играют! Давно играют!

Достаточно только посмотреть на длинные перечни ничего не означающих ссылок в статьях западных авторов, чтобы понять: существует три тенденции:

- молчаливое корпоративное согласие цитировать как можно большее количество авторов, находящихся в теме, в расчете на то, что тебя тоже будут цитировать;

- выделение совокупности авторов, цитирование которых как бы подтверждает приличный уровень научности публикуемого материала;
- корпоративное замалчивание тех авторов, кто уж очень не вписывается в официально поддерживаемый постнаучный мейнстрим.

Игра, она и есть игра!

Проще говоря, реакция ученых на требование включаться в конкурентные отношения порождает профанацию — кратчайший путь к гибели науки, к превращению ее в ненауку.

Процесс этот многогранный и многоуровневый. Сама игра в науку — один из его аспектов, один из способов разнаучивания научного сообщества, придания ему несвойственных функций.

Здесь следует обратить внимание на концепцию Й.Хейзинги (*Homo Ludens* — Человека Играющего), которая, как и все подобные ей, претендует на особого рода универсальность. Хейзинга, говоря об игровом контексте науки, утверждает, что в античности знания “не приобретались как побочный продукт обучения полезным и доходным профессиям. Для элина они были плодом его свободного времени — а для свободного гражданина все то время, которое не было востребовано государственной службой, войной или отправлением культа, было свободным” [Хейзинга, s.a.].

Разве Хейзинга не прав? Прав! Правда, только в одной из частных. Систематическое занятие наукой действительно требует времени, свободного от физического труда. Но наука — не игра, не мудрствование в свободное время. Да и мещанство производно от свободного времени. Наука — социально обусловленный род занятий: разделением труда, распадом общества на классы, потребовавшим выделения группы людей, *объясняющей* низам справедливость происходящего.

Современное принуждение ученых к конкуренции — способ распространить их профессиональные занятия на все принадлежащее им свободное время, без учета того, что таковое у настоящих ученых просто отсутствует, ведь мозг работает, даже когда они спят.

Короче, не прав Хейзинга в принципе понимания социальной природы науки, которое пришло в научное сообщество, как ни покажется неожиданным, вместе с позитивизмом и порождено им. А вот позитивизм, подменяя истинное знание позитивным, во многом напоминает игру в истину.

Открытые Витгенштейном языковые игры поворачивают разговор об игре в науке совсем в другую сторону — в сторону манипуляций сознанием, включая сознание ученых. Можно посмотреть на многие современные социологические публикации и увидеть в них игровую составляющую — игру словами, за которыми стоят не понятия реальности, а позиции или претензии на научное признание (статус или успех). Противоречие между словом и делом, фонетикой и семантикой — идеальное поле для языковых игр, за которыми скрывается банальное непонимание присутствующей в слове связи между смыслом и реальностью (см.: [Николаенко, 2014]).

Игра в науку — претензия на особое понимание, дающее возможность быть на плаву, ориентируясь на плюрализм, ведь *все* обязаны признавать право на мнение, а если кто его не признает, ему предоставляется другое право — доказывать, что оппонент ошибается.

Но плюрализм — не презумпция истины отдельного мнения, доказывать которую виновный в игре в науку не обязан. Он обязан только написать

текст, предоставляя право читателю на нечто, напоминающее ее, — рациональное зерно. Не нашел — не повезло! Не понимаешь задумки автора.

Простор для дискурса создан.

Игра в науку принуждает искать в бессмысленных текстах зерна истины. И вопрос совсем не в том, что их там нет, а в том, что вы вынуждены это делать!

Соискатели научных статусов, как и многие из уже признанных, забывают, что подлинное научное исследование — совсем не игра, не развлечение, а тяжелая работа, особенно, работа в ВУЗе, которая, будучи обставленной всеми выше упоминаемыми требованиями, стала изнуряющей, а иногда и небезопасной!

Нелюбовь естествоиспытателей к гуманитариям не беспочвенная (хотя они и сами часто поигрывают), как и пренебрежительное отношение некоторых социологов к текстам без чисел. Хотя не следовало бы забывать, что эмпирическая наука без хорошо проработанной теории — пуста, как и естествознание без гуманитаристики вообще утрачивает смысл. Гуманитарная наука движет естествознание, а не наоборот, хотя есть и обратная связь.

Научная конкуренция возможна только между социальными системами, обладающими собственным научным потенциалом. Конкуренция внутри такой системы ослабляет и саму систему, и ее науку (борьба за финансирование, например, — не научная борьба). Она ведет к углублению пропасти в сознании ученого между точным и достоверным знанием и необходимостью его методологического обоснования. В борьбе за признание не до теории.

Социальная система задает научной среде исследовательские цели. Ученые могут помогать их формулировать, не имея ни права на политические решения, ни материальной базы для их исполнения.

Социальная система без должной научной базы в современном мире не жизнеспособна.

Однако вернемся к нашему предмету — к соотношению метода и методейи.

Например, понимающая социология здесь сыграла с учеными злую шутку. Именно она, обывательское, скажем мягче, повседневное представление о понимании превратила в принцип научного понимания реальности. В результате научная установка на объективность и достоверность получаемых знаний окончательно обратилась в установку на прагматически ориентированное (позитивное) знание, в котором заинтересованы отдельные (частные) социальные субъекты или капиталистическое государство, представляющее собой деперсонализированного капиталиста — этого своеобразного доминирующего над всеми олигарха.

Правда, понимающая психология возникла раньше. Опираясь на принципы переживания и сопереживания, она еще оставалась в пределах гуманитаристики, хотя уже готовила почву для последующей дегуманизации науки.

Понимающая рациональность отвергла переживание и сопереживание, возведя на пьедестал принцип успеха и... позитивной бюрократии.

А между тем формула успеха давно выкристаллизовалась в англо-американской традиции, которая в их же транскрипции звучит двояким образом: “Nothing personal, only business!”, а проще “Just business!”, ведь слово *бизнес* в моральном плане означает дело, свободное от личностных отноше-

ний (ничего личного), хотя бизнесмен — совсем не альтруист и весьма *заинтересован*, прикрываясь *незаинтересованным* наблюдателем.

И здесь игра!

Выводы и перспективы дальнейших исследований

Из сказанного следует, что методейя, или обращение науки против самой себя, имеет большое число перевоплощений, анализ социальных функций которых невозможен без социологии. Главная из таких функций — конструирование и воспроизводство социальных зависимостей.

В гносеологии давно известно, что научное понятие отображает не вещи, а социально обусловленное отношение к ним, которое может быть, а может и не быть опосредовано вещами.

Оба типа социальных отношений выдвигают свои требования к научному анализу, включая и анализ их самих:

- первый требует объективности, обусловленной анализом сути изучаемых явлений и синтезирующие отдельные знания в научную картину мира;
- второй к анализу сути изучаемых явлений добавляет принцип релевантности — субъективную составляющую научного вывода, ориентированного на принцип успеха, или так называемое практическое знание. Во втором случае обе системы требований как бы сливаются в одну систему, что и приводит к деформациям в научной мысли, названным методейей.

Отсюда следует, что:

- раскрытие социально смысловой тайны методейных практик в науке методами социологии может стать одним из ключевых направлений развития научной классики в целом и социологической в частности;
- социологам следует вновь обратиться к канонам научной классики, которая всегда опиралась на комплекс критериев научности, разрабатываемых философией науки (точность, объективность, полнота, достоверность и т.д.), но в результате доминирования социологического эмпиризма сведенные практически к двум — валидности и надежности, то есть к отказу от принципа полноты и... обращению полученного знания в неполное и неточное — в не совсем знание;
- связь логического и морального (как, между прочим, и эстетического) — один из признаков полноты знания, то есть не прихоть, не дань субъективизму, а настоятельное требование времени, без чего не только возврат к научной классике становится невозможен, но невозможно и достижение как интеллектуальной, так и социальной свободы, вместе со всеми вытекающими из этого последствиями.

XVIII век совсем не случайно был *последним* всплеском энциклопедизма, обеспечившего переход к капитализму. Но именно капиталистический прагматизм стал альтернативой энциклопедизму. В принципе успеха релевантность и функциональность нашли друг друга, породив неестественную дилемму теории и эмпирии и заодно сформировав зависимость ученого от успеха — чаще от чужого.

Человеческий интеллект всегда развивался по принципу энциклопедизма. Но в интеллекте ученых, обращенном к поиску функционального и релевантного успеха, аналитика начала вытеснять синтетическую способ-

ность суждения: структуры восстали против систем с последующей анархизацией мыслительных процессов. Производство знания в его социально-культурном значении, соответственно, стало вытесняться производством *практического* знания и... информационного мусора.

И последнее, описание доминирующей в современной науке анархической мысли в ориентации на строгую логическую последовательность оказалось непростой задачей, что лишний раз доказывает силу влияния методейных тенденций на весь научный процесс.

Источники

Гросс М. Неизвестное. Динамика связей неведения, незнания и сходных понятий [Электронный ресурс] / М. Гросс // Социологические исследования. — 2008. — № 3, март. — С. 13–22. — Режим доступа :

http://ecsocman.hse.ru/data/319/632/1219/Gross_2.pdf.

Гоулднер А. Наступающий кризис западной социологии [Электронный ресурс] / Алвин Гоулднер. — М., 2003. — Режим доступа : <http://www.labyrinth.ru/books/76027/>.

Кант И. О мнимом праве лгать из человеколюбия (1797) [Электронный ресурс] / Иммануил Кант // Трактаты и письма. — М., 1980. — С. 292–297. — Режим доступа : <http://iph.ras.ru/uplfile/ethics/biblio/kant.html>.

Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества [Электронный ресурс] / Герберт Маркузе. — Режим доступа : http://www.bim-bad.ru/docs/markuze_odnomerny_chelovek.pdf.

Маяцкий М. Производство сомнения [Электронный ресурс] / Михаил Маяцкий. — Режим доступа : <http://postnauka.ru/video/12146>.

Николаенко Л.Г. Функциональное пустословие: языковые игры на либеральном политическом поле / Леонид Николаенко // Проблеми розвитку соціологічної теорії: держава — людина — соціальна відповідальність : X Всеукр. наук.-практ. конф., 4 трав. 2013 р., м. Київ. — К. : Логос, 2014. — С. 103–137.

Николаенко В.Л. Метод и методейя: методологические иллюзии в современной социологии / Владимир Николаенко, Леонид Николаенко // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2015. — № 2. — С. 130–142.

Рубинштейн М.М. О смысле жизни. Труды по философии ценности, теории образования и университетскому вопросу [Электронный ресурс] / Моисей Матвеевич Рубинштейн. — М., 2003. — Т. 2. — Режим доступа : <http://mybook.ru/author/moisej-rubinshtejn/o-smysle-zhizni-trudy-po-filosofii-cennosti-teor-1/>.

Филлиповская Т.В. Дихотомия “знание-незнание”: поиск сущностной новизны [Электронный ресурс] / Т.В. Филлиповская // Вопросы политологии и социологии. — 2011. — № 1. — Режим доступа : <http://politsocio.uara.ru/issue/2011/01/12/>.

Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания (Против методологического принуждения) [Электронный ресурс] / П. Фейерабенд. — Режим доступа : <http://www.klex.ru/fem>.

Хабермас Ю. Проблематика понимания смысла в социальных науках [Электронный ресурс] / Юрген Хабермас. — Режим доступа : http://sociologica.hse.ru/data/2011/03/30/1211833479/7_3_1.pdf.

Хейзинга Й. Homo Ludens. Статьи по истории культуры [Электронный ресурс] / Йохан Хейзинга. — Режим доступа : http://lib.ru/FILOSOF/HUIZINGA/huizinga.txt_with-big-pictures.html.

Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом [Электронный ресурс] / Альфред Шюц. — Режим доступа : <http://yanko.lib.ru/books/philosoph/shutz-izbr-mir-a.htm>.